

БЕНИТА ФЕРРЕРО-ВАЛЬДНЕР,
КОМИССАР ЕС ПО ВНЕШНИМ СВЯЗЯМ
И ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ СОСЕДСТВА

НЕ ЧУВСТВА, НО ДОВЕРИЕ

То, что личные отношения между лидерами определяют отношения между государствами,— расхожий стереотип. По крайней мере, в отношениях между Россией и Европой это так. Четыре общих пространства — вот то, на чем строятся наши отношения. Более того, в будущем мы собираемся подписать новое соглашение о партнерстве и сотрудничестве. И именно это будет новой, еще более широкой основой для нашего сотрудничества, в том числе и в энергетике.

В отношениях между странами всегда присутствует некая атмосфера. Всегда есть нечто вроде личной симпатии, которая возникает между людьми. Но одно дело огромная система связей, основанная на широком фундаменте, а другое — тот факт, что одни люди вам приятнее, чем другие. Это часть нашей жизни, личные отношения возникают у всех со всеми, не так ли? Но, к примеру, они не мешают людям работать.

Личные отношения не меняют базис наших отношений. А он колоссален. Мы — основной потребитель российского газа и нефти. И для нас Россия — поставщик 25% наших нефти и газа. Это никуда не денется, и на это не могут повлиять никакие личные отношения. Очевидно, что тесные связи России с Европой сохраняются и в будущем.

Нужно понимать, в международных отношениях, возможно, не столько важны личные чувства, сколько искренность и взаимное доверие. Я приезжаю в Москву очень часто и всегда обсуждаю со своими российскими партнерами вопросы сотрудничества честно и открыто. И я вижу, как искренность наших отношений возрастает.

Помню, как я впервые познакомилась с президентом Путиным еще в 2000 году, когда я была председателем ОБСЕ. Более того, я была одним из первых чиновников в Европе, кто имел возможность в течение полутора часов расспрашивать его на самые различные темы — тогда в Европе еще очень мало знали о нем. Вы всегда растете в ваших отношениях по мере вашего знакомства. И чем дольше вы знаете человека, тем глубже ваши отношения.

Симпатии могут возникать у всех людей. Но в Европе, кроме лидеров с их симпатиями, существуют еще европейские институты. И 25 стран-членов, а скоро их будет 27. И это намного сложнее, чем отношения между людьми.

Но, с другой стороны, как только дело доходило до энергетики, риторика менялась. Ангела Меркель начинала нахваливать российско-германское партнерство, а детище своего предшественника — СЕГ — называла «стратегическим проектом».

Отношения Владимира Путина и Ангелы Меркель долгое время казались весьма неопределенными. Они встретились в январе текущего года в Москве. Затем в апреле весьма плодотворные консультации были проведены в Томске. В следующий раз президент и канцлер встретились в июле в Санкт-Петербурге, на саммите G8. Затем наступили, пожалуй, самые важные встречи.

Во французском Компьене на трехсторонней встрече с Ангелой Меркель и Жаком Шираком Владимир Путин впервые намекнул на то, что «Газпром» может перенаправить газ, который должен добываться на Штокмановском месторождении, с Северной Америки в Европу. Более того, в своем традиционном стиле российский президент отметил, что причиной такого решения могут стать именно небывало прекрасные отношения между Россией и Европой, более того — между ним и Ангелой Меркель лично. В своем выступлении Владимир Путин подчеркнул, что канцлер ФРГ сама просила его переориентировать ресурсы Штокмана в Европу.

Впрочем, реальных доказательств безоблачности отношений между Москвой и Берлином к тому моменту уже было немного. К примеру, один из двух немецких партнеров «Газпрома» по СЕГУ — Е.ON — отказался пускать его к своим газораспределительным сетям в Германии. Таким образом, выполнение всех условий, согласованных еще при Герхарде Шредере, оказалось под угрозой.

Пожалуй, окончательная ясность наступила в октябре. Сначала, накануне визита в свой любимый немецкий город Дрезден, Владимир Путин сделал Ангеле Меркель уникальное предложение — сделать Германию крупнейшим распределителем газа в Европе и эксклюзивным партнером России. Канцлер ФРГ фактически проигнорировала это предложение. На следующий день она подписала с президентом Франции Жаком Шираком меморандум о создании энергоальянса внутри Европейского союза без участия третьих стран.

Фактически Ангела Меркель опровергла предположения специалистов, считавших, что российский газ заставит ее дружить с Владимиром Путиным не меньше, чем Герхард Шредер. Однако подобный союз с Владимиром Путиным наверняка вызвал бы резкое неприятие остальных друзей канцлера Германии по ЕС и, возможно, подозрения и критику журналистов и избирателей.

На сегодняшний день Германия остается для России одним из немногих партнеров, отношения с которым еще не испорчены. Правда, безоблачность дружбы Владимира Путина с Ангелой Меркель отныне под вопросом. И вовсе не из-за личных пристрастий канцлера.

ДРУЗЬЯ ИЗ ИТАЛИИ

Еще одним надежным другом Владимира Путина традиционно считался итальянский премьер Сильвио Берлускони. Российский лидер вместе с семьей отдыхал на вилле своего итальянского коллеги на Сардинии. Кроме того, Владимира Путина с Сильвио Берлускони связывали и совместные энергетические проекты. Итальянский лидер проявлял большой интерес к строительству газопровода «Голубой поток» из России в Турцию по дну Черного моря. Глава «Газпрома» Алексей Миллер признавался, что «Голубой поток» планируется через Грецию протянуть до юга Италии.

Уход Сильвио Берлускони из итальянской власти стал, вероятно, неприятной новостью для питавшего к нему теплые чувства Владимира Путина. Тем более, потому что Романо Проди в свою бытность главой Европейской Комиссии нередко критиковал Россию за нарушения в области прав человека. Однако российский лидер сразу попытался найти подходы к новому главе итальянского правительства. Президент РФ позвонил Романо Проди, чтобы поздравить его с избранием еще до того, как Сильвио Берлускони признал собственное поражение.

Более того, во время первой же их встречи в Кремле Владимир Путин, по свидетельству журналистов вел себя точно также, как раньше с Сильвио Берлускони — и Романо Проди пытался не отставать. Лидеры дружески обнимались, шутили и смеялись. В свою бытность Председателем Европейской Комиссии, итальянский премьер говорил, что Россия и ЕС дополняют друг друга так же, как вода и икра. Кроме того, стараясь задружиться, Владимир Путин вновь пускал в ход энергетические рычаги. В ходе июньского визита Романо Проди Россия и Италия договорились о допуске российских компаний на энергетический рынок Италии в обмен на допуск итальянских компаний к добыче нефти и газа в России. «По сути это имплементация договоренностей Энергетической хартии без формальной юридической ратификации», — заявил президент Путин, отметив, что Россия «готова это делать, но не для всех и каждого, а для тех, кто идет нам навстречу и готов к равноправному сотрудничеству».

ДРУГИЕ ТОВАРИЩИ

Тони Блэр был одним из первых лидеров, с которым у Владимира Путина сложились доверительные отношения. В первые годы своего правления российский лидер чаще всего встречался в неформальной обстановке именно с премьером Великобритании. Однако затем отношения между Москвой и Лондоном заметно ухудшились — как предполагали российские эксперты, причиной тому могло стать решение британского суда не выдавать России Ахмеда Закаева и Бориса Березовского. Инцидент с невыдачей политэмигрантов не раз становился предметом разговора между двумя лидерами: Владимир Путин просил Тони Блэра посодействовать в этом щекотливом вопросе, а тот отвечал, что это не в его власти. В итоге дружба начала угасать, а одновременно российские правоохранительные структуры

заинтересовались деятельностью Британского совета, а затем ФСБ разоблачила британских дипломатов, установивших в Москве камень-шипон.

С вероятным преемником Тони Блэра министром финансов Гордоном Брауном Владимир Путин уже встречался. В феврале 2006 года господин Браун участвовал во встрече министров финансов G8 и удостоился персональной встречи с Владимиром Путиным. Впрочем, строгий и чопорный британский министр старался разговаривать с российским президентом исключительно о делах. Он похвалил экономические показатели: «Рост 6% — это должно быть стимулом для всех нас». «Нет, 6,4%», — поправил его Владимир Путин.

Можно предположить, что, став премьером, Гордон Браун продолжит ту же линию в отношениях с Россией, которую взял Тони Блэр. Впрочем, не столь харизматичный министр финансов вряд ли будет стараться стать Владимиру Путину близким другом. Кроме того, в принципиальной для Москвы теме выдачи эмигрантов сдвигов не будет, а значит, прохлады между Москвой и Лондоном сохранится.

Наконец, в приближающемся году уходит со своего поста еще один тяжеловес европейской политики — Жак Ширак. Его трудно назвать близким другом Владимира Путина — уже хотя бы в силу разницы в возрасте. К тому же французский президент всегда старался общаться с российским коллегой не тет-а-тет, а в компании — сначала с Герхардом Шредером, а потом с Ангелой Меркель.

Франция всегда жестче других европейских партнеров России критиковала Москву за ситуацию в Чечне, отмечала проблемы со свободой слова и правами человека. Французские СМИ были и вовсе беспощадны к Кремлю. Заявления официального Парижа звучали умеренно, однако этот фон явно мешал личным отношениям лидеров.

Насколько дружески относятся друг к другу Жак Ширак и Владимир Путин, окончательно стало ясно после того, как Францией и Германией был подписан меморандум о создании энергоальянса. Два основных партнера России решили дружить вдвоем, не привлекая Владимира Путина.

На сегодняшний день сказать точно, кто займет место Жака Ширака, непросто. В любом случае, как единодушно полагают французские эксперты, будущий глава государства не станет близок к Владимиру Путину. Если новым президентом станет Никола Саркози, Париж развернется лицом к Вашингтону: нынешний глава МВД известен своими проамериканскими взглядами. А фаворит социалистов Сеголен Руаяль, очевидно, оттолкнет Москву чрезмерным вниманием к проблемам прав человека и свободе слова.

Таким образом, в российской внешней политике наступает перелом. Некоторые прежние друзья Владимира Путина покидают посты, с другими просто портятся отношения. Эпоха персональной дипломатии и близкой дружбы на высшем уровне постепенно уходит в прошлое. Очевидно, скоро российским властям придется учиться выстраивать отношения с народами, а не с их лидерами. ■

